

**ПЕРЕХОД БЕДНОСТИ
ОТ ПОКОЛЕНИЯ
К ПОКОЛЕНИЮ:
ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ
ПЕРЕД ПОЛЬШЕЙ**

В. Вазивода-Крушиньска*



Утверждается, что в процессе системной трансформации в сторону капитализма в городах Польши появились районы бедности. Три взаимосвязанных процесса стали основными факторами роста бедности: спад промышленного производства, снижение благосостояния населения и деинституционализация семьи, сопровождавшиеся передачей вопроса социального управления с центрального на местные уровни власти. Анклавы бедности возникли в связи с бегством более состоятельных жителей из опустошенных многоквартирных домов, ставших социальным жильем для бедняков. Это тенденция к бедности «закрепилась» в последующих поколениях. Статья основана на результатах долгосрочного исследования, проведенного в городе Лодзь под руководством автора, и охватывает период в 20 лет. Обобщены данные, полученные из трех источников: интервью, проведенные в 1998 и 2008 гг. среди 90 взрослых, относящихся к разным поколениям одной большой семьи и живущих в анклав бедности; 73 глубинных опроса молодых женщин из анклавов бедности, являющихся матерями-подростками; количественное исследование 500 13-летних учеников, посещающих школы в анклавах бедности. В заключении делается вывод, что бедные районы в Лодже напоминают «районы изгнания», как их назвал Лоук Вакан [9].

Ключевые слова: бедность, анклав бедности, район изгнания, переход бедности

* Университет г. Лодзь.
90-214, Польша, Лодзь,
ул. Революции 1905 г., 41/43.

Поступила в редакцию 09.05.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-6

© Вазивода-Крушиньска В., 2013

Введение

В течение многих лет при проведении научных дискуссий и при принятии политических решений проблеме унаследования бедности из

поколения в поколение не уделялось должного внимания. Убеждение в том, что социальные классы более не существуют и что важны только действия самого человека, когда речь заходит о достижении определенного социально-экономического положения, помешало увидеть факт наследования социального неравенства и ограниченные возможности продвижения для тех, кто находится внизу социальной лестницы.

Тем не менее экономический кризис, который с 2008 г. сотрясает развитые страны в Европе, вызвал страх распространения бедности и переход ее из поколения в поколение. В ряде стран показатель угрозы бедности¹ увеличился, а во многих он перестал снижаться. Однако правящим элитам трудно признать, что в развитых странах существует бедность, которая, судя по всему, передается последующим поколениям. Яркий пример этого — Польша, где и политики, и общественность в целом не готовы признать бедность как проблему, для решения которой необходимо предпринять серьезные и скоординированные действия. В Национальной программе реформ, представленной в Европейскую комиссию в апреле 2012 г., борьба с бедностью не упоминается среди поставленных целей. Одной из причин этого является то, что после вступления в ЕС в 2004 г. в Польше было зарегистрировано существенное снижение уровня бедности. В 2005 г. 20,5% от общего числа населения находилось под угрозой риска бедности, в то время как в 2011 г. этот показатель составил 17,7%. Особенно заметным было снижение бедности среди детей. В 2005 г. показатель угрозы детской бедности среди 25 стран-членов ЕС был самым высоким в Польше — 29%. В 2011 г. уровень в 22% передвинул Польшу на 17-е место среди 27 стран Евросоюза. В период с 2005 по 2011 г. распространение бедности было ограничено и в других возрастных группах, за исключением самых пожилых. Однако более глубокий анализ показывает, что снижение распространения бедности происходило только до 2008 г., а затем начался медленный рост бедности среди общей численности населения (в 2008 г. показатель достиг 16,9%, в 2009-м — 17,1%, в 2010-м — 17,6%, а в 2011-м — 17,7%). Среди пожилых людей (старше 65 лет) медленный рост уровня бедности был зарегистрирован уже в 2005—2008 гг. (до 0,5%), а быстрый — в 2008 и 2011 гг. (на 6,9%). Несмотря на противоположные тенденции, именно молодое поколение хуже всего защищено от бедности, в то время как самые пожилые защищены наилучшим образом. Польша по-прежнему остается страной, где проводимая политика не достаточно повернута к детям. Едва ли можно принять тот факт, что более чем каждый пятый ребенок живет в домо-

¹ Показатель угрозы бедности (at-risk-of-poverty rate) определяет долю населения с эквивалентным располагаемым доходом (после социальных выплат) ниже порога угрозы бедности (at-risk-of-poverty threshold), который установлен на уровне 60% национального медианного значения эквивалентного располагаемого дохода после социальных выплат. Этот показатель измеряет не уровень благосостояния или бедности, а уровень низкого дохода по сравнению с другими жителями страны, что может вовсе и не означать низкий уровень жизни.

хозяйствах с низкими доходами и страдает от различных видов лишений. Разрыв, или неравенство, в материальном благополучии среди детей очень большой. Польша находится на 21-м месте среди 24 стран ОЭСР по показателю материального неравенства среди детей, при этом первое место с наименьшим разрывом занимает Швейцария. Только в Венгрии и Словакии этот показатель хуже, чем в Польше (данные ЮНИСЕФ 2010 г.). Дело обстоит гораздо хуже в населенных пунктах, являющихся очагами бедности, образовавшимися в постиндустриальных городах в 1990-х гг. Трудно задокументировать и описать в цифрах тенденции и процессы, протекающие там и затрагивающие благосостояние детей, потому что проживающие там люди относятся к самым низам городского населения. Количество их не превышает несколько процентов от общей численности населения, и в репрезентативных описаниях их часто называют «другие», «остатки».

Кроме того, в Польше очень трудно с первого взгляда заметить население из анклавов бедности, как это можно сделать в Северной Америке, Западной Европе или даже в Румынии, где «бедняки из гетто» отличаются по этническому и/или религиозному принципу от большинства населения. В противоположность этому польское общество очень однородно с точки зрения этнической принадлежности и религии. Это создает трудности в восприятии бедности как социально обусловленной проблемы. В связи с этим качественное исследование имеет особое значение для более глубокого понимания причин и факторов, способствующих сохранению бедности.

Далее будут приведены результаты долгосрочного исследования, проведенного под моим руководством в Лодзе — третьем по величине городе Польши. Выводы будут основываться на концепции Вакана о районах изгнания как новой форме бедности.

Городские анклавы бедности в Польше и процесс перехода бедности из поколения в поколение

Польские социологи стали изучать городскую бедность еще в начале 1990-х гг. [2; 4; 7; 10—13; 15—18] и продолжают это делать по настоящее время [1; 3; 5; 6]. Исследования начались сразу же после установления нового политико-экономического порядка и специально проводились в крупном польском городе Лодзе, где происходил процесс быстрой деиндустриализации². В ходе первых лет системной трансформации, направленной на возрождение капитализма в его неолиберальной форме, в городе появилось 17 анклавов бедности³, где проживают

² В 1993 г. в этом городе с населением 750 тыс. человек было зарегистрировано 100 тыс. безработных.

³ Анклавом бедности считается территория, состоящая по крайней мере из двух кварталов (определяемых как пространство между четырьмя пересекающимися улицами), на которой количество жителей, получающих социальные пособия, превышает 30% (в два раза больше, чем в среднем по городу).

более 59 тыс. жителей, что составляет 7,4% от общей численности населения города Лодзь. Городские кварталы с относительно большим показателем бедного населения имели также высокую долю людей, проживающих в анклавах бедности. В то же время в более бедных кварталах коэффициент изолированности⁴ был выше. В среднем в Лодзе каждый шестой, а в самом бедном квартале каждый четвертый бедняк живет в нищем районе. Вокруг центральной части города, ограниченной главной и прилегающими к ней улицами, концентрически расположены 12 анклавов бедности, в которых проживают несколько десятков тысяч жителей. В то время как в таких анклавах уровень бедности всего населения был выше 30%, дети из бедных семей составляли половину всех детей, живущих там, и более одной трети всех бедных жителей. В крупнейшей зоне бедности, где проживало свыше 10 тыс. человек, уровень бедности среди детей превышал 60%. В своем исследовании такую ситуацию мы назвали *ювенилизацией бедности*. Именно поэтому группа исследователей сосредоточила свое особое внимание на детской бедности.

В качестве основных причин роста уровня бедности были выявлены три взаимосвязанных процесса: спад промышленного производства, снижение благосостояния населения (уход государства от субсидирования оплаты жилищно-коммунальных платежей, транспортных расходов, отдыха, образования, здравоохранения, рост платежей за электроэнергию, газ и пр.) и деинституционализация семьи (увеличение числа домохозяйств, состоящих из одного человека, и неполных семей, в которых только один родитель). Эти процессы сопровождалась передачей социальных вопросов с центрального на местные уровни управления. В связи с чем плохое управление жилищно-коммунальным хозяйством стало фактором, во многом способствующим концентрации бедных в определенных городских районах.

Многоквартирные дома в городских кварталах, составляющие внутригородские анклавы бедности, были построены в основном в начале XX в., когда Лодзь процветал как промышленный город. Квартиры в этих домах небольшие и часто однокомнатные без особых удобств. Городская администрация, отвечающая за эти здания, выделяет квартиры в них в качестве социального жилья для лиц, выходящих на свободу из мест заключения, выселенных из предыдущих квартир из-за задолженностей по арендной плате, а также тем, кто утратил свое жилье в результате пожаров и т.п. Кроме того, здесь также живут семьи, переселенные из других частей города, выделенных под районы элитной застройки. Развитие рынка частного жилья также ускорило появление анклавов бедности. Более обеспеченные жители анклавов обменивались своими квартирами в старых домах с теми, кто жил в домах лучшей категории, но не мог оплачивать жилищно-коммунальные услуги, предлагая погасить их долги и дать дополнительную сумму денег.

⁴ Коэффициент изолированности (ghettoization ratio) — доля бедняков, проживающих на данной территории, в общей численности бедного населения.

Те, кому посчастливилось получить и сохранить постоянную или высокооплачиваемую работу, выезжали из этих домов, а те, кто был беднее, въезжали в них. В конце XX в. районы, отнесенные к категории анклавов бедности, превратились в социально изолированные места, а население, проживающее там, постепенно становилось однородным с точки зрения своего социально-экономического статуса.

Как правило, жители анклавов бедности, как и бедные слои населения вообще, не представлены на формальном рынке труда, что происходит наиболее часто в связи с ликвидацией предприятий, на которых они работали. Некоторые столкнулись с тем, что сократились шансы найти работу после декретного отпуска или выхода из мест заключения. Однако это не значит, что они не занимались оплачиваемой трудовой деятельностью вообще. Эта категория населения получала работу на неофициальном рынке труда, используя возможности, предоставленные их непосредственным окружением. Городской рынок позволил им зарабатывать деньги: продавать сельскохозяйственную продукцию от имени фермеров в обмен на «комиссию», убирать рыночную площадь, работать в качестве грузчиков и т. д. Для жителей анклавов бедности, расположенных вблизи городских свалок, поиск и продажа выброшенных вещей стали источником дохода. Те, кто жил рядом с кладбищем, могли производить и продавать лампы, сделанные из уже использованных ламп. Женщины убирали дома более богатых граждан, незаконно шили одежду для предпринимателей, которые продавали ее на городских рынках. Летом и осенью женщины работали в садоводческих хозяйствах или занимались сбором лесных ягод для продажи. Они также нанимались на работу гувернантками или сиделками, чтобы заботиться о пожилых людях. Эта приносящая доход работа нигде не регистрировалась и держалась в тайне от налоговых органов и социальных служб, так как люди боялись, что им откажут в социальных пособиях. Поскольку социального пособия не хватало, чтобы свести концы с концами, их получателям требовалось иметь дополнительный источник дохода в дополнение к этим скудным суммам. Единственной альтернативой неофициальной работе была преступная деятельность, в которую некоторые жители бедных кварталов также вовлекались. Таким образом, для жителей анклавов бедности проблемой становилось отсутствие не работы, а скорее легального трудоустройства, которое давало бы регулярные и достаточные средства к существованию. Получатели социальной помощи не могли рассчитывать на такую работу. Они становились лишними на официальном рынке труда из-за развала промышленных предприятий и процесса модернизации производства. Большинство из них легально работали в течение нескольких лет во время коммунистического периода, но многие — недостаточно долго для получения достойной пенсии после достижения пенсионного возраста. Эти люди не имели возможности получить официальную работу в дополнение к выплачиваемым пособиям по безработице, что предоставило бы им право на пенсионное страхование и пенсии по ста-

рости в будущем, поскольку ни одна фирма не хотела официально нанимать их на работу — по разным причинам, например из-за нехватки необходимых навыков, внешнего вида, возраста и т. д.

При изучении жизни бедняков, оказавшихся загнанными в анклав бедности в городе Лодзь, были собраны *истории* двух, а в некоторых случаях и трех поколений семей. Это исследование является уникальным, хотя в мировой научной литературе есть несколько примеров историй перехода бедности из поколения в поколение, рассказанных старшими членами семьи. Рассказчики были отобраны из числа получателей социальной помощи в возрасте 40—50 лет, проживающие в анклавах бедности, чьи мать/отец или взрослый сын/дочь согласились принять участие в исследовании. Были собраны 90 рассказов о 40 семьях. Истории о бедности в детстве и в более поздние годы жизни, рассказанные представителями старшего (старше 65 лет), среднего (45—55 лет) и младшего (20—25 лет) поколений, позволили выделить факторы скатывания людей в нищету в различные периоды времени [13]. В каждом поколении были свои факторы обнищания: структурная безработица в сельской местности до Второй мировой войны и городская безработица в период системной трансформации 1990-х гг., нарушение функционирования различных учреждений (например, школ) и трудности в семье, проблемы со здоровьем, безответственный выбор партнера и т. д. Оказалось, что каждое исследуемое поколение столкнулось с бедностью, однако на разных этапах жизни. Пожилые страдали от бедности только в детстве, проведенном перед Второй мировой войной, представители среднего возраста — в зрелом возрасте, молодые — в детском и юношеском возрасте, что для них означает протяжение всей их жизни. Была лишь 1 из 40 семей, где представитель молодого поколения относительно преуспел в жизни. Исследование предоставило доказательство того, что для старшего поколения решающим фактором разрыва цепи бедности была послевоенная индустриализация, обеспечившая неквалифицированных молодых людей работой и профессиональной подготовкой на государственных предприятиях. В семьях, участвовавших в исследовании, пожилые женщины имели большой послужной список в течение коммунистического периода и в основном были единственными в семье, кто имел постоянный доход в виде пенсии по старости. Они становились опорой для своих внуков, для которых, как и для их родителей, не хватало работы. Среднее поколение оказалось в нищете из-за безработицы и недостаточного наследства от родителей; молодые — из-за отсутствия наследства от родителей и недостатка официальной работы.

Исследование показало, что существуют различия в характере обеднения и пребывания в этом положении между мужчинами и женщинами, живущими в анклавах бедности, а также отразило гендерную специфику передачи бедности из поколения в поколение. Для мужчин взросление в бедности выражалось в плохих результатах в школе, прекращении посещения школы, алкогольной зависимости и судимости, которые способствовали сохранению бедности [2]. Для женщин, взрослых в бедности, были выявлены следующие основные факторы,

«толкающие их в порочный круг бедности»: проблемы в семье (алкоголизм одного из родителей), проблемы с одноклассниками в школе и неудачный выбор партнера [7].

Десять лет спустя была проведена новая серия исследований в анклавах бедности, основная цель которых — понять процесс сохранения бедности. Поэтому мы снова встретились с теми же семьями, чтобы исследовать изменения, которые произошли с ними за это время. Поскольку некоторые респонденты, относившиеся в 1998 г. к самому старшему поколению, умерли за это время, их заменили в выборке внуки, которые при первом интервью были несовершеннолетними, а сейчас, будучи взрослыми, уже могли рассказать нам свою историю семейной жизни. Кроме того, были проведены отдельные исследования среди специально отобранных групп жителей анклава бедности: люди в возрасте от 20 до 30 лет, которые стали родителями в подростковом возрасте и учащиеся школ, расположенных в анклавах бедности.

Среди полученных результатов наиболее важными являются следующие:

1) анклавы бедности были «местом», а стали «пространством» [9]; это означает, что люди, живущие там, больше не ощущают принадлежность к какому-либо «сообществу», поэтому чувствуют себя незащищенными;

2) наблюдается ухудшение состояния здоровья населения анклавов бедности;

3) подростковое материнство в анклавах бедности — это способ «исцелить» самооценку;

4) низкая самооценка учащихся — залог дальнейшего сохранения бедности.

Стихийные процессы повторной приватизации государственной собственности и «возрождение» зданий в анклавах бедности, расположенных в центральной части города, стали причиной того, что многие из их бывших жителей были вынуждены переехать в другие муниципальные здания в том же самом анклаве либо в другой анклав, расположенный вдалеке от центра города. Постоянный рост арендной платы и катастрофический рост задолженности бедных заставляют людей покидать свои квартиры и искать временное жилье, арендуемое совместно с другими людьми. Такое жилье предлагается в старых зданиях в анклавах бедности теми, кто все еще живет там. Новички зачастую страдают алкогольной зависимостью и нарушают неписаные правила, существовавшие прежде, такие, например, как добровольная помощь соседям друг другу. Респонденты сообщали о чувстве страха и опасности как в семье, так и в районе. Все это было результатом злоупотребления алкоголем в родительском доме и ближайшем окружении. Насилие в отношении матери, споры между родителями и вмешательство полиции — это то, что испытали все, выросшие в анклавах бедности в XXI в. Более того, многие из респондентов говорили о том, что они страдают от различных заболеваний и психических расстройств. Некоторые из молодого поколения пытались покончить с собой. Бросается в глаза, что проблемы со здоровьем сохраняются и у представителей последующих поколений одной семьи, что влияет в том числе и на успе-

ваемость в школе. Даже не имея какого-либо заболевания, респонденты отмечали, что в детском возрасте у них были трудности с концентрацией внимания, нехваткой школьных учебников и достойной одежды, что их клеймили позором другие дети в школе. Неофициальное «изгнание» из круга школьных товарищей заставило детей, растущих в анклавах бедности, искать сверстников, похожих на себя с точки зрения социально-экономического статуса и одинакового жизненного опыта, и такими оказывались главным образом их же соседи. Они помогли «излечить» самооценку респондентов и стали самой главной «эталонной группой». Представители этой группы, которых респонденты называли «обществом», предпочитали «развлекаться», вместо того чтобы ходить в школу, где на них уже повесили ярлык «трудных подростков». И в этом «обществе» не являлось позором для девочки-подростка забеременеть или для мальчика-подростка попасть в тюрьму.

Следующее поколение из анклава бедности, представленное в нашем исследовании подростками (13 лет), также не имеет каких-либо многообещающих жизненных перспектив. Это не только потому, что оно сильно недофинансировано, но и из-за низкой самооценки, которая заметна у этих подростков. Они считают себя бедными учениками и бедными друзьями по школе и не верят, что смогут добиться успеха в будущем. Может случиться так, что это окажется предсказанием с испытанием самого себя.

Выводы

Результаты исследований, полученные в польском городе Лодзь, по-видимому, подтверждают идеи Л. Вакана о том, что новая форма бедности была вызвана продолжающейся фрагментацией трудовых отношений, функциональным разрывом между благополучными и неблагополучными районами, а также национальной и мировой экономикой, а также реконfigurацией состояния материального благополучия в поляризующемся городе [9]. Вакан утверждает, что сохранение бедности в неблагополучных районах, которые он называет районами изгнания, является результатом изменений, происходящих в глобализованном капитализме. Современный капитализм создал специфическую форму бедности — *крайнюю форму маргинальности*, образующую, в свою очередь, *районы изгнания*. Такие районы характеризуются территориальной стигматизацией; превращением из «места» жительства как формы коллективного образа жизни в «пространство», где люди разобщены; отсутствием жизнеспособных внутренних районов. Территориальная стигматизация также влияет на деятельность государственных служб и может проявляться в применении мер, неприемлемых в других более благополучных жилых районах города. Чтобы заставить бедное население молчать и работать за низкую плату, используются совместно две формы управления, которые раньше применялись раздельно: работа полиции и социальных работников. Согласно меткому выражению Джеффри Реймана и Пола Лейтона, богатые становятся богаче, а бедные попадают в тюрьму.

Список литературы

1. *Bunio-Mroczek P., Warzywoda-Kruszyńska W.* Wczesne rodzicielstwo jako zagrożenie biedą i wykluczeniem społecznym. Łódź, 2010.
2. *Golczyńska-Grondas A.* Mężczyźni z enklaw biedy. Rekonstrukcja pełnionych ról społecznych. Łódź, 2004.
3. *Golczyńska-Grondas A., Warzywoda-Kruszyńska W.* Wzmocnić szanse i osłabić transmisję biedy wśród mieszkańców miast województwa łódzkiego. Łódź, 2010.
4. *Grotowska-Leder J.* Wielkomiejska bieda. Od epizodu do underclass. Łódź, 2002.
5. *Jankowski B., Warzywoda-Kruszyńska W.* Mieszkańcy enklaw biedy po 10 latach. Łódź, 2010.
6. *Petelewicz M., Warzywoda-Kruszyńska W.* Bieda w dzieciństwie jako zagrożenie biedą i wykluczeniem społecznym w przyszłości. Łódź, 2010.
7. *Potoczna M., Warzywoda-Kruszyńska W.* Kobiety z łódzkich enklaw biedy. Bieda w cyklu życia i międzypokoleniowym przekazie. Łódź, 2009.
8. *The children left behind: A league table on inequality in child well-being in the world's rich countries // Innocenti Report Card 9 / UNICEF Innocenti Research Centre, Florence, 2010.*
9. *Wacquant L.* Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality // Thesis Eleven. 2007. №91. P. 66—71.
10. *Warzywoda-Kruszyńska W., Grotowska-Leder J.* Wielkomiejska bieda w okresie transformacji. Zasiłkobiorcy pomocy społecznej. Łódź, 1996.
11. *Warzywoda-Kruszyńska W., Grotowska-Leder J.* Concentration of Poverty in Polish Large Cities: An Example of Lodz // L'Europe du Centre-Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift. 1998. Vol. 20—23. P. 3—4.
12. *Życ i pracować w enklawach biedy / ed. by W. Warzywoda-Kruszyńska. Łódź, 1998.*
13. *(Życ) Na marginesie wielkiego miasta / red. W. Warzywoda-Kruszyńska. Łódź, 1999.*
14. *Warzywoda-Kruszyńska W.* The Poor of Large Cities: Is an Underclass Forming? The Example of Welfare Recipients // Poland beyond Communism. "Transition" in Critical Perspective / eds. by M. Buchowski [et al.]. Fribourg, 2001.
15. *Warzywoda-Kruszyńska W.* Counteracting Child Poverty // Polityka społeczna : Special issue on Family Policy in Poland. 2007. P. 49—54.
16. *Warzywoda-Kruszyńska W.* Child Poverty in the Urban Environment (on the example of the city of Łódź) // Ibid. 2009. P. 13—17.
17. *Warzywoda-Kruszyńska W.* Poverty in Poland before and after joining the European Union // 5 Years of Poland's Membership of the European Union in the Social Context / ed. by E. Skotnicka-Iliasiewicz. Warsaw, 2009. P. 151—171.
18. *Warzywoda-Kruszyńska W.* Child Poverty in Poland // Forum 21 European Journal on Child and Youth Research. 2011. №7. P. 18—23.
19. *Council of Europe.* URL: http://www.coe.int/t/dg4/youth/Resources/Forum_21/forum_en.asp (дата обращения: 17.04.2013).

Об авторе

Велислава Важивода-Крушиньска, профессор кафедры прикладной социологии и социальной работы, факультет экономики и социологии, Университет г. Лодзь, Польша.

E-mail: zsoul@uni.lodz.pl



THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF POVERTY:
A CHALLENGE FOR POLAND

W. Warzywoda-Kruszyńska

University of Łódź
41, ul. Rewolucji 1905r, Łódź, 90—214, Poland

Received on May 09, 2013

This article argues that urban poverty pockets emerged in Poland in the course of the system transformation towards capitalism. The main poverty drivers were the three overlapping processes: de-industrialization, 'dewelfareization' and de-institutionalization of the family accompanied by the devolution of social care management from the central to the local government. The enclaves of poverty emerged as a result of better-off residents leaving dilapidated blocks of flats and both spontaneous and deliberate accommodation of poorer citizens in these houses as social housing residents. In these areas, poverty tends to take root and reproduce in subsequent generations. The article is based on a 20-year study carried out in the city of Łódź under the author's supervision. The article summarizes the findings obtained from three sources: 1) narrative interviews held twice — in 1998 and 2008 — among 90 adults belonging to the subsequent generations of a certain extended family residing in a poverty enclave; 2) 73 in-depth interviews with teenage mothers residing in poverty enclaves, 3) a quantitative survey of 500 13-year-old pupils attending schools located in poverty enclaves. The author arrives at the conclusion that poverty enclaves in Łódź resemble neighbourhoods of relegation as conceptualized by Loic Wacquant.

Key words: poverty, enclave of poverty, neighbourhood of relegation, transmission of poverty

References

1. Bunio-Mroczek, P., Warzywoda-Kruszyńska, W. 2010, *Wczesne rodzicielstwo jako zagrożenie biedą i wykluczeniem społecznym*, Łódź, Wydawnictwo Biblioteka.
2. Golczyńska-Grondas, A. 2004, *Mężczyźni z enklaw biedy. Rekonstrukcja pełnionych ról społecznych*, Łódź, Instytut Socjologii UŁ.
3. Golczyńska-Grondas, A. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2010, *Wzmocnić szanse i osłabić transmisję biedy wśród mieszkańców miast województwa łódzkiego*, Łódź, Wydawnictwo Biblioteka.
4. Grotowska-Leder, J. 2002, *Wielkomijska bieda. Od epizodu do underclass*, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
5. Jankowski, B., Warzywoda-Kruszyńska, W. 2010, *Mieszkańcy enklaw biedy po 10 latach*, Łódź, Wydawnictwo Biblioteka.
6. Petelewicz, M., Warzywoda-Kruszyńska, W. 2010, *Bieda w dzieciństwie jako zagrożenie biedą i wykluczeniem społecznym w przyszłości*, Łódź, Wydawnictwo Biblioteka.
7. Potoczna, M., Warzywoda-Kruszyńska, W. 2009, *Kobiety z łódzkich enklaw biedy. Bieda w cyklu życia i międzypokoleniowym przekazie*.

8. The children left behind: A league table on inequality in child well-being in the world's rich countries, 2010, *Report Card 9*, UNICEF Innocenti Research Centre, Florence.
9. Wacquant, L. 2007, Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality, *Thesis Eleven*, no. 91, p. 66—71.
10. Warzywoda-Kruszyńska, W., Grotowska-Leder, J. 1996, *Wielkomijska bieda w okresie transformacji. Zasilkobiorcy pomocy społecznej*, Łódź, Instytut Socjologii UŁ.
11. Warzywoda-Kruszyńska, W., Grotowska-Leder, J. 1998, Concentration of Poverty in Polish Large Cities: An Example of Lodz, *L'Europe du Centre-Est. Eine wissenschaftliche Zeitschrift*, Vol. 20—23, Pat. 3—4.
12. Warzywoda-Kruszyńska, W. (ed.), 1998, *Życ i pracować w enklawach biedy*, Łódź, Instytut Socjologii UŁ.
13. Warzywoda-Kruszyńska, W. (red.), 1999, *(Życ) Na marginesie wielkiego miasta*, Łódź, Instytut Socjologii UŁ.
14. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2001, The Poor of Large Cities: Is an Underclass Forming? The Example of Welfare Recipients. In: Buchowski, M., Conte, E., Nagengast, C. (eds.), *Poland beyond Communism. "Transition" in Critical Perspective*, Fribourg, University Press Fribourg.
15. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2007, Counteracting Child Poverty, *Polityka społeczna, Special issue on Family Policy in Poland*, p. 49—54
16. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2009, Child Poverty in the Urban Environment (on the example of the city of Łódź), *Polityka Społeczna, Special Issue on Social Policy*, p. 13—17
17. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2009, Poverty in Poland before and after joining the European Union. In: Skotnicka-Iliasiewicz, E. (ed.), *5 Years of Poland's Membership of the European Union in the Social Context*, Warsaw, The Office of the Committee for European Integration, p. 151—171.
18. Warzywoda-Kruszyńska, W. 2011, Child Poverty in Poland, *Forum 21 European Journal on Child and Youth Research*, no. 7, p. 18—23.
19. *Council of Europe*, 2011, available at: http://www.coe.int/t/dg4/youth/Resources/Forum_21/forum_en.asp (accessed 17 April 2013).

About the author

Dr Hab. Wielisława Warzywoda-Kruszyńska, Professor, Department of Applied Sociology and Social Work, Faculty of Economics and Sociology, University of Łódź, Poland.

E-mail: zsoul@uni.lodz.pl